

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВЛАСТЬ ПОСЛЕ 2018 ГОДА: ВОЗМОЖНЫ ЛИ РЕФОРМЫ В РОССИИ?

Исторический опыт и новая
перестройка

Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВЛАСТЬ ПОСЛЕ 2018 ГОДА: ВОЗМОЖНЫ ЛИ РЕФОРМЫ В РОССИИ?

**Исторический опыт и новая
перестройка**

Андрей Колесников

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2015

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Преобразования по-советски: рост цены реформ	5
Перестройка: незавершенная революция	8
Либеральные реформы: изготовление из яичницы яйца	9
Сценарные упражнения: попытка управления будущим	12
Еще две попытки: модернизация по Медведеву и «Стратегия 2020»	14
Реформы по-российски: общее и особенное	16
Кому выгодна реформа и проблема-2018	19
Примечания	23
Московский Центр Карнеги	27

Об авторе

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания Газета.Ru, член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Значение темы реформ в России трудно переоценить. Сегодня от успеха или неудачи преобразований напрямую зависит вектор развития страны. Реформы при нынешнем политическом режиме в России невозможны, потому что базовая рамка преобразований — это работающие институты, а среда, способствующая реализации реформаторских начинаний, — политическая демократия.

Ключевые темы исследования

- Политическая история России начиная с XIX века — это история попыток реформ: реформы никогда не доводились до конца и оборачивались контрреформами или стагнацией.
- Десталинизация при Хрущеве уже сама по себе была реформой и создала основу для политических и экономических реформ.
- Косыгинская реформа, подталкивавшая директоров предприятий к почти рыночному поведению, в отсутствие рынка была обречена на провал.
- Перестройка — типичная в своих достоинствах и недостатках реформа в России.
- Постсоветская либеральная экономическая реформа и строительство политических институтов шли параллельно. Экономический кризис 1998 года по-своему подвел черту под эпохой либеральных реформ и политической трансформации России, но базовая реформаторская задача — строительство в России рыночной экономики — была решена.
- Попытки завершения модернизации были предприняты в период президентства Дмитрия Медведева, однако модернизационного рывка не получилось.

Основные выводы исследования

- Представляется, что сейчас, в очередной раз в российской истории, нужда в реформах очевидным образом возрастает.

- Политическая реформа означает фактическое возвращение политической системы России к конституционной рамке; избавление от репрессивных и рестриктивных, антиправовых по своей сути законодательства и правоприменения; обеспечение гарантий права собственности; формирование условий для свободного волеизъявления граждан и представительства всех социальных слоев, а не только тех, кто готов поддерживать власть.
- Экономическая повестка предполагает реализацию пакета преобразований, которые сформулированы почти два десятилетия назад, — речь идет о наборе структурных реформ (социальная и пенсионная сферы, реформы образования, здравоохранения и армии, а также снижение государственной нагрузки на экономику).
- Политическая и экономическая реформы взаимосвязаны — реализация экономического пакета невозможна без создания для этого адекватных политических условий, строительства институтов, поддерживающих адекватный задачам постиндустриального развития уровень свободы индивидов.
- В целом российские реформы отличаются рядом качеств, которые переходят из одной исторической эпохи в другую: *одинаковые причины и триггеры перемен; вершечный характер преобразований; ограничители преобразований, включая сопротивление им; незавершенность реформ; неизбежность преобразований на определенном этапе развития — или, наоборот, стагнации или движения страны вспять (контрреформы).*
- Провалы авторитарных модернизаций в России, включая опыт квазимодернизации эпохи Путина—Медведева, доказывают: *успешные преобразования невозможны без политической демократизации. Она — и абсолютно необходимое условие реформ, и одновременно сама по себе главная российская реформа, «рамка» для всех остальных преобразований.*

Введение *

Размышления о возможности реформ в России следует предварить другими вопросами — нужны ли они и что такое реформы в российском контексте? Под реформами мы будем понимать такое изменение социальной реальности, которое позволяет государству и обществу динамично развиваться в условиях политической и экономической свободы. Реформы нужны тогда, когда государство и общество теряют стимулы для развития, а ущербность политических и экономических свобод способствует отставанию страны — ее самоизоляции и архаизации, примитивизации экономической системы, снижению качества человеческого капитала.

Реформы в России начинаются с секретных или полуполюгальных встреч. Будь то заседания будущих реформаторов на спортивной базе ленинградского Финансово-экономического института на Змеиной горке в августе 1986 года или собрания противников русского самодержавия, которые Александр Пушкин называл «заговорами между Лафитом и Клико». Но главные решения принимаются верхами, и сами реформы начинаются сверху. И этими же верхами, увязшими в компромиссах и парализованными страхом перед последствиями преобразований для самих себя, останавливаются.

Компромиссность и страх превращают слово «секрет» в одно из главных в описании реформ по-русски. Александр I вступает на престол в 1801 году и проводит время с четырьмя приятными и европейски образованными молодыми людьми, которые формируют Негласный комитет. Они обсуждают назревшие реформы. В 1826 году Николай I начинает обсуждение крестьянского вопроса в Секретном комитете, в который среди прочих входят участник того самого, еще начала века, Негласного комитета граф Виктор Кочубей и любимое перо предыдущего царя, им же отравленный в ссылку Михаил Сперанский.

В атмосфере секретности в России плетутся либерально-модернизационные антиправительственные заговоры и в то же самое время в верхах

* Автор благодарит Дмитрия Травина, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге, за ряд ценных замечаний и предложений.

с одобрения первого лица планируются реформы. Правда, в верхах, как правило, широкие и смелые замыслы со временем или отвергаются как нереалистичные и опасные, или реализуются на практике таким образом, что лучше бы их было и не начинать.

Юный Александр I признавался своему швейцарскому воспитателю Фредерику-Сезару Лагарпу, что «как только он будет коронован, то созовет представительное собрание для подготовки конституции, которая лишит его какой бы то ни было власти»¹. С членами Негласного комитета он обсуждал в том числе возможную отмену крепостного права. Как писал Пушкин, Александр увидел в «Путешествии из Петербурга в Москву» Александра Радищева «отвращение от злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию по составлению законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений»². Но закончилось все тем, что мы сегодня назвали бы «административной реформой», которая ничего не изменила в самодержавном характере правления, а самый главный реформатор Михаил Сперанский, как «иностранный агент», был сослан за вымышленные связи с Наполеоном сначала в Нижний Новгород, а потом в Пермь³.

Николай I, обжегшись на восстании декабристов, испугавшись Сенатской площади, как потом будут пугаться Майдана, вроде бы ни о каких реформах и думать не хотел, но в знаменитом разговоре с Александром Пушкиным 8 сентября 1826 года, по некоторым сведениям, обсуждал с поэтом преобразования в России. А свод показаний декабристов о внутреннем положении России по приказу царя был передан Секретному комитету, готовившему реформы⁴. То есть государя не просто интересовало их мнение, он, по сути, задумывался над тем, чтобы заимствовать планы реформ у бунтовщиков.

Ход одной из ключевых реформ — крестьянской — модельно, на десятилетия и даже века вперед, показывает, как власть в России их планирует, а потом от них же и отказывается. Сухая хроника: в декабре 1826 г. царь поручает Секретному комитету заняться крестьянским вопросом; в апреле 1827 г. он передает в Комитет одобренную им записку Сперанского о необходимости запрета продавать крепостных без земли — предполагалось, что это будет первый паллиативный шаг к постепенному освобождению крестьян; в августе того же года начинается подробное обсуждение этой реформы; новый закон должен быть готов к декабрю, но... откладывается до 1830 г.; после этого государь посылает проект брату Константину, а тот предлагает отдать проект «на суд времени». В течение царствования Николая собиралось 11 комитетов по крестьянскому вопросу и все — безрезультатно⁵. И это то самое правительство, которое, согласно формуле из черновика письма Пушкина Чаадаеву, «все еще единственный европеец в России»⁶.

Реформы в России подчинялись именно этой логике. И даже будучи реализованы в ходе очередной волны европеизации, никогда не доводились до конца и оборачивались контрреформами или стагнацией.

Задача этой работы — в контексте сегодняшней попытки экономических властей и экспертов начать подготовку нового стратегического документа, горизонт планирования которого 2035-й год — разобраться, почему реформы в России не доводятся до конца и какими должны быть условия для их реализации.

Преобразования по-советски: рост цены реформ

Ментально-ценностный аспект реформ иной раз оказывается главным. Десталинизация при Никите Хрущеве уже сама по себе была реформой и создала основу для политических и экономических реформ. В идеократии слова имеют огромное значение, и если они меняются — начинают меняться и мозги. Поэтому, например, нельзя недооценивать усилия по подготовке новой редакции программы КПСС, работа над которой началась еще в середине 1958 г., или над новой версией советской Конституции: ее писали начиная с 1962 г., в 1964-м был готов проект, предусматривавший переход от государства «диктатуры пролетариата» к «общенародному государству», а акцент делался на «всемерном развертывании демократии» и «народовласти». Группа, готовившая текст нового Основного закона, в записке, переданной в президиум ЦК КПСС, предлагала всенародно избирать президента Союза ССР, сформировать двухпалатный парламент и учредить Конституционный суд. По воспоминаниям Федора Бурлацкого, работавшего тогда в интеллектуальной службе власти, Никита Хрущев возмущался: «Здесь какие-то мальчишки хотят переместить меня с поста предсовмина и назначить председателем Верховного Совета СССР», — так он воспринимал идею выборов президента⁷. Проект, который был в результате принят в 1977 г., по этой части был несколько более сдержанным⁸.

Дискуссии о возможности экономической реформы и подготовка общественного мнения тоже начались при Никите Хрущеве. А реализация стала возможной при Леониде Брежневем, когда Алексей Косыгин, войдя в альянс с антихрущевскими заговорщиками, понадеялся на то, что Леонид Ильич даст ему политическую «крышу» для перезагрузки социалистической экономики.

Дискуссия началась со статьи экономиста Евсея Либермана, опубликованной в газете «Правда» 9 сентября 1962 года. Портрет этого уже немолодого харьковского экономиста, увлеченного проблемами машиностроения и женатого на сестре пианиста Владимира Горовица Регине,

появился в журнале Time с аншлагом «Советы заигрывают с прибылью»⁹. Так бы мы перевели на «советский русский». Но более игриво и, в сущности, справедливо звучало бы: «Советский флирт с профитом». Потому что одно дело прибыль как категория из «Капитала» Маркса, другое — как скучный показатель в советском народном хозяйстве и совершенно иное — прибыль как двигатель экономической заинтересованности. В которой есть что-то глубоко несоциалистическое, даже не соответствующее Моральному кодексу строителя коммунизма, который был принят незадолго до появления статьи.

Статья в «Правде» — не просто статья. Это — почти всегда — установка. Для советского человека это гораздо серьезнее, чем даже резонансный материал в The New York Times. Высший пилотаж — текст человека с ярко выраженными еврейскими именем и фамилией. Значит, было покровительство. Значит, наверху кто-то считал, что «так надо». Значит, экономическая реформа к тому времени перезрела, а общественная атмосфера вполне способствовала переменам. Хотя буквально через месяц после статьи состоялся Карибский кризис.

Статья в «Правде» была частью серьезной подготовки дискуссии о реформе. В 20-х числах сентября 1962-го состоялось неслучайное заседание Научного совета по хозяйственному расчету и материальному стимулированию при Академии наук СССР. И пошла-поехала дискуссия о реформе хозяйственного механизма, которая спустя ровно три года вылилась в знаменитый доклад премьера Алексея Косыгина на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1965 г., с которого отсчитывают начало попытки реформы. Кстати, в «народе» реформу называли «либерманизацией», в чем проявлялось несколько скептически-ироничное отношение к ней.

Тем не менее именно в 1960-х на дискуссионно-реформаторской волне произошла реабилитация самих понятий «экономика» и «экономист». К людям, пытавшимся начать разбираться в реальной природе экономических процессов, уже нельзя было применить известный советский анекдот: «Папа, а кто такой Карл Маркс?» — «Это такой экономист» — «Как наша тетя Сара?» — «Нет, что ты, тетя Сара — старший экономист».

Экономисты вдруг стали востребованными. Это поняли не только представители самой экономической науки, но и заинтересованные в их работе руководители государства. И в первую очередь председатель правительства Алексей Косыгин. В мае 1968-го, набрасывая тезисы своего выступления на экономическом совещании, он записывает: «Впервые, пожалуй, вопросы экономических исследований стали занимать важное народнохозяйственное значение... мы можем сказать, что только теперь у нас появились настоящие экономисты»¹⁰.

Конечно же, превращению экономики из «централизованной теологии» (авторство этого термина принадлежит ректору ВШЭ Ярославу

Кузьминову¹¹) в науку способствовали математические методы. Все тогда бросились в теорию оптимального функционирования экономики — был большой соблазн выстроить идеальную работающую модель социализма. Но, сами того не замечая, возвращались к уже давно известным «буржуазным» теориям и моделям Вальраса, Парето, Бем-Баверка.

Неудивительно, что одним из «штабов» реформаторской мысли стал Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ): там шли поиски алхимической волшебной формулы всеобщей оптимизации, найти которую надеялись с помощью электронно-вычислительной техники. Но как можно было увязать друг с другом и уравновесить невероятное число материальных балансов — за 2000 отвечал Госплан СССР, за 20000 — Госснаб и т.д.¹²

Как развивалась реформа? Во исполнение решений сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС в январе 1966 г. 43 предприятия 17 отраслей экономики заработали на основе новых принципов хозяйствования, до некоторой степени раскрепощавших инициативу предприятий: к священному понятию «план» добавились почти крамольные для ортодоксальной социалистической политекономии категории «прибыли» и «премии», всепобеждающий «вал» заменялся показателем «объем реализации продукции». То есть продукт должен был быть не просто произведен, но и продан¹³.

Сегодня очевидно, что косыгинская реформа, подталкивавшая директоров предприятий к почти рыночному поведению, в отсутствие рынка была обречена на провал. Казалось бы, во второй половине 1960-х экономика все-таки пошла в гору и официальные показатели роста оказались очень высокими. Это было связано с реформами, хотя по оценке авторитетных экономистов, например Евгения Ясина, рост был спровоцирован инфляционным разогревом: минимум свободы подтолкнул предприятия к увеличению ассортимента и, соответственно, небольшому повышению цен¹⁴. Кроме того, к концу 1960-х экономика столкнулась с еще одной проблемой: дефицитом рабочей силы. Егор Гайдар в книге «Гибель империи» приводит фрагмент из выступления Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 года: «Основная задача... добиться резкого... повышения эффективности использования имеющихся трудовых и материальных ресурсов»¹⁵.

Характерно, что снижение «давления в трубах» реформ совпало с политическими заморозками, отсчет которых ведется с августа 1968-го, времени вторжения советских войск в Чехословакию. Кроме того, Косыгин был зажат аппаратными ограничителями.

В итоге простое повышение экономической самостоятельности предприятий не решало проблем экономики, основанной на плане и не поддержанной политическими преобразованиями. В начале 1968 г. газета «Известия» опубликовала результаты опроса рабочих передового

Луганского тепловозостроительного завода. Большинство затруднились с ответом на вопрос, что дала реформа для производства и для них лично. Значительная часть ответила «мало» или «ничего»¹⁶.

Перестройка: незавершенная революция

По свидетельству Ричарда Пайпса, слово «перестройка» стало популярным в эпоху Великих реформ 1860-х годов. Использовалось оно и Петром Столыпиным¹⁷. Здесь едва ли имеет смысл вдаваться в тонкости истории прихода к власти Михаила Горбачева, но многочисленные свидетельства говорят о том, что его появление на исторической арене в апреле 1985-го было абсолютно логичным и ожидаемым — перемен (правда, нечетко артикулированных) ждали и хотели почти все, включая часть партийной номенклатуры.

Характерно, что одним из результатов перестройки стала институционализация выборов как инструмента демократии. Тем самым были созданы способы легитимного формирования власти и ее смены. Это была и революция в процедурах, и дополнительная, на новой основе, легитимизация власти самого лидера перестройки, и — самое главное — создание новой ценности. Причем, по крайней мере в то время, ценности разделяемой и одинаково значимой для всех: и для перестроечной элиты, и для народа, который впервые в российской и советской истории мог почувствовать себя конституционным источником власти. (Ровно поэтому, заметим попутно, действия ГКЧП оказались нелегитимными, в том числе в глазах народа.)

В известном смысле, хотя это не всегда осознавалось даже адептами перестройки, состоялось принятие западных ценностей демократии, правового государства и ответственной (подотчетной) власти. Политика «нового мышления», собственно, и основывалась на идее большей открытости миру и, прежде всего, миру западному.

Подобного рода конвергенция ценностей позволила Фрэнсису Фукуяме в 1989 г. сделать вывод о «конце истории»¹⁸. Реальность и последующее течение событий оказались сложнее, но Фукуяма был абсолютно прав в том смысле, что процесс, начатый Горбачевым, по большому счету, должен был привести к историческому ценностному единству Запада и России. От принятия этих ценностей должны были выиграть все: государство становилось более гуманным, общество — более раскрепощенным.

Архитекторы перестройки воспринимали ее именно как революцию. Отчасти это было данью позитивному значению слова в связи с переосмыслением наследия Великой Октябрьской. В то же время характер и глубина преобразований действительно «дотягивали» до революции. Характерно, что доклад Горбачева к очередному юбилею революции

в 1987 г. назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

И, кстати говоря, революция ценностей, начатая Горбачевым, давно закончилась для всего мира, включая страны Восточной Европы, воссоединившиеся с Западом (в этом смысле перестройка — «мировая революция»). Она не закончилась только в России и в некоторых странах бывшего СССР.

Перестройка была еще и революцией ожиданий. Причем ожиданий во многом оправдавшихся — именно поэтому демократические ценности были восприняты в конце 1980-х вполне адекватно на массовом уровне. Надо признать, что эта ситуация завышенных ожиданий, «горбимания», ко многому обязывала. Анатолий Черняев, заместитель заведующего международным отделом ЦК, впоследствии помощник Горбачева, записал в те первые дни нахождения Михаила Сергеевича у власти в своем дневнике: «...от Горбачева многого ждут, как начали было ждать от Андропова... А ведь нужна “революция сверху”. Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?»¹⁹.

С народом у Горбачева получилась любовная химия, но именно поэтому от него ждали белой магии: чтобы все было по-прежнему, чтобы можно было гонять целыми днями чай, но при этом прилавки ломались от товаров, и вообще чтобы жизнь стала хотя бы как в ГДР или Венгрии, а еще лучше — как в Западной Европе. Оказалось, что так не бывает — надо было много работать и адаптироваться к новым обстоятельствам. Горбачеву этого многие простить не могут до сих пор. Как не простили Борису Ельцину обещанного изобилия и стабильности к концу 1992-го. Как не простили Егору Гайдару того, что он взял ответственность за непопулярные решения на себя.

Архитекторы перестройки действительно понимали ее как революцию. Только они думали, что она окажется социалистической, соединяющей Ленина и демократию с рынком. Такого исторического оксюморона, соединения несоединимого, не получилось. Но разделяемые ценности — остались. И потом были зафиксированы в ряде разделов Конституции России 1993 года.

Формально от этих ценностей никто не отказывается и сейчас. Фактически же речь идет о тотальном пересмотре наследия перестройки и реформ.

Либеральные реформы: изготовление из яичницы яйца

Исторически российский вариант радикальных либеральных реформ был предопределен тем, что советские власти опоздали с принятием ряда неизбежных мер вроде либерализации цен. Реформы в экономике,

включая приватизацию, шли параллельно со строительством институциональных основ российского государства. Сам этот процесс был кем-то назван в то время «изготовлением из яичницы яйца» — в том смысле, что речь шла о переходе из ненормального состояния социума и государства в нормальное. Во всяком случае, такая цель ставилась.

Цена преобразований была велика и усугублялась психологической общественной травмой, связанной с развалом СССР. Тем не менее и выбранная модель — «шоковая терапия» примерно по польскому образцу с той разницей, что в Польше цены отпустило последнее коммунистическое правительство, — и политические компромиссы, и успехи и провалы реформирования исторически оказались неизбежными. Возможно, не безальтернативными. Но любое реформаторски ориентированное правительство делало бы примерно то же самое. Или вынуждено было делать, как это произошло в случае с кабинетом Виктора Черномырдина, фактически продолжившего политику гайдаровской команды.

Идейная подготовка реформ шла внутри сообществ молодых экономистов из Ленинграда (группа Анатолия Чубайса) и Москвы (группа Егора Гайдара), которые потом образовали так называемую «московско-ленинградскую экономическую школу»²⁰. И та, и другая группы были до известной степени связаны со слабо, но все-таки артикулированным заказом политических инстанций на реформы, что лишь способствовало более активному осмыслению их содержания. Серия инициативных семинаров, самым известным из которых стала конференция в августе—сентябре 1986 г. на Змеиной горке под Ленинградом, позволили сформулировать повестку реформ и определить кадровое ядро команды будущих реформаторов²¹.

По словам одного из идеологов либеральных реформ Сергея Васильева, сообщество реформаторов очень быстро ощутило «дополнительные бонусы работы в команде: интенсивные обсуждения и расширение круга чтения позволили нам быстро выйти на новый уровень понимания экономической реальности»²².

Собственно реализация реформ наталкивалась на множество политических компромиссов, одним из которых (компромисс с трудовыми коллективами и директорами предприятий) стала ваучерная, а не денежная приватизация²³. Рыночная трансформация шла при отчаянном сопротивлении мощнейших промышленно-политических лобби — топливно-энергетического, аграрно-промышленного и военно-промышленного, а также серьезных политических сил, сконцентрировавшихся в тогдашнем российском парламенте. Одним из кульминационных эпизодов этой борьбы стало противостояние Верховного Совета и Бориса Ельцина в октябре 1993 г., закончившееся расстрелом Белого дома, тогдашней резиденции парламентариев.

Социальные издержки реформ стоили реформаторам популярности, сами реформы по объективным и субъективным аппаратным и политическим причинам не всегда доводились до конца. Бюджетная недостаточность, «прелести» дикого капитализма с попытками урегулирования прав собственности не всегда законными способами, поиск политической поддержки и фоном идущая война в Чечне подтолкнули правительство к сотрудничеству с формировавшимся классом крупных собственников. В результате в середине 1990-х, а в более ярко выраженной форме — после президентских выборов 1996 года, уния власти и капитала образовала конструкцию, которую принято называть «олигархическим капитализмом».

Тем не менее такая логика развития событий была во многом объективной. Архитектор польских реформ Лешек Бальцеревич задается вопросом, касающимся президентских выборов 1996 г. и отчаянных попыток сохранить Бориса Ельцина во власти: «Но каким мог быть альтернативный сценарий? Победа коммунистов в случае, если бы партия реформ дистанцировалась от Ельцина, и развитие России по “лукашевскому” пути? Эту опасность тоже не следует сбрасывать со счетов, и ее, конечно, учитывали и российские реформаторы. В Чехии, Польше и других странах Центральной Европы реформаторы не стояли перед столь драматичным выбором»²⁴.

Реформы в строгом смысле слова были реализованы лишь частично. На начальном этапе действия реформаторов напоминали алармистские попытки дефибриляции разрушенного хозяйственного механизма бывшей империи. Реализованы в той или иной степени были такие меры, как либерализация экономики, приватизация и финансовая стабилизация (венцом которой стала 11-процентная годовая инфляция в 1997 г.).

Однако политического ресурса и социальной поддержки не хватило на структурные реформы, которые были сформулированы в 1997 г., но не реализованы до сих пор. Все они перечислены как ключевые преобразования, своего рода пропуск в постиндустриальный мир в работе Егора Гайдара «Долгое время»: снижение государственной нагрузки на экономику, реформа систем социальной защиты, в том числе пенсионная реформа, реформы образования и здравоохранения, реформа армии²⁵.

Отвечая в 2008 г. на мой вопрос, не проиграли ли реформаторы страну, Анатолий Чубайс ответил: «Многое из того, что мы требовали двадцать лет назад — рынок, частная собственность, открытые границы, — не просто реализовано, но принято всем обществом как естественное состояние»²⁶. Тем не менее из трансформационного кризиса и реформ Россия вышла не в «консолидированную», то есть сложившуюся и долгосрочную демократию, а в «управляемую демократию», которая затем трансформировалась в одну из форм «гибридного авторитаризма» (с имитационными демократическими институтами, подавленными по-

литическими свободами и отсутствующими стимулами к развитию, но пока лишь с точечными, а не массовыми репрессиями²⁷).

Экономический кризис 1998 года по-своему подвел черту под эпохой либеральных реформ и политической трансформации России. Но не снял с повестки дня проблему незавершенности необходимых для нормального развития преобразований. Притом что надо признать: базовая реформаторская задача — строительство в России рыночной экономики — была решена.

Сценарные упражнения: попытка управления будущим

Проект «Клуба 2015» «Сценарии для России» возник вскоре после кризиса 1998 года. Работу организовали бессменный председатель Клуба Сергей Воробьев, руководитель компании Ward Howell, и Владимир Преображенский, ныне директор по исследованиям Московской школы управления «Сколково». Предприниматели и эксперты собрались вместе для того, чтобы не просто прагматически предсказать будущее во избежание рисков для бизнеса, а управлять будущим во избежание рисков для страны. То есть сломать матрицу «реформы — контрреформы» и попытаться встретить будущее во всеоружии. Новый предпринимательский (не олигархический) класс в лице неравнодушных и рефлексирующих своих представителей был готов разделить ответственность за страну с политическим классом.

Симптоматично, что, когда Герман Греф, будущий министр экономического развития, был рекрутирован в 1999-м в Москву, для того чтобы возглавить подготовку стратегической повестки для будущего президента России Владимира Путина, он встречался с членами сценарной группы. Возможно, потому, что никто больше в таком ключе в то время не думал о будущем России.

Заслуга «Клуба 2015» состояла еще и в том, что он внес свой вклад в методологию сценарного прогнозирования, создав модель прогноза «Сделай сам» — из сценарных кубиков (предпосылок того или иного варианта развития событий и его следствий) можно было составить любой сценарий.

Кроме того, это было первое сообщество, которое нарисовало образ желаемого будущего и заговорило о таких вроде бы непрагматических понятиях, как ценности, радиус доверия, социальный контракт.

В предисловии к итоговым сценариям, которые были обобщены в 1999 г., сказано: «Твои сегодняшние действия должны определяться будущим, точнее, тем будущим, на которое ты согласен»²⁸.

Едва ли представители сценарных групп были согласны на пессимистический сценарий, который назывался «Отравленные грабли». Но

будущее не возникает ниоткуда — значит, многие работали на то, чтобы страна пришла ровно к тому результату, который предсказывался в этой сценарной версии.

Сценарий оказался пугающе точным, но не потому, что члены «Клуба 2015» и их коллеги по мозговым штурмам, которые проходили осенью 1998-го на подмосковной спортивной базе в Новогорске, обладали фее-рическими футурологическими способностями. А потому, что, как было сказано в пессимистическом варианте сценария, — «это всего лишь продление действующих тенденций»²⁹. Важно, что этот сценарий учитывал не только узкоэкономические факторы, но также политические и социальные (то, что напрочь отсутствует в сценариях, которые рисуют сценаристы из финансово-экономических структур — им, впрочем, в прогнозировании и нельзя заходить за политические флажки).

Страна и правда славно поработала на продление авторитаристских трендов, зародившихся еще тогда. Получается, что дело не только и не столько в демоническом Путине (хотя возникновение такой фигуры было предсказано сценаристами) — когда писались сценарии, он только приходил к власти, а вопрос «Who is mister Putin?» еще даже не был задан. Ответственность за происходящее со страной — коллективная: ее несут и политическая элита, и предпринимательская, и население страны.

Россия привыкла к «развитию» по инерционным сценариям — ни туда ни сюда. Но выяснилось, что движение по инерции, по сценарию «Сказка о потерянном времени» — без воли, без энергии, с компромиссами и готовностью согласиться на социальный контракт «Колбаса (а затем Крым, Донбасс, Сирия) в обмен на отказ от свобод» — ведет к новому кризису. Пессимистический сценарий прямо вытекает из инерционного.

А вот в оптимистическом сценарии «Ренессанс, или Трава из-под асфальта» часть россиян могла узнать самих себя — образца 2011—2012 годов, времени общественного подъема (по крайней мере в городском среднем классе) и спроса на демократию участия. Значит, это была не утопия, а одно из возможных направлений движения. Появился предсказанный в оптимистическом сценарии «электорат экономической свободы»³⁰, предъявивший спрос еще и на политическую свободу. Но широкая публика Болотной площади, названная в том давнем прогнозе «социально адекватным большинством»³¹, была отодвинута «путинским большинством», которое потом превратилось в «крымское».

В 2000 г. в подмосковных Ватутинках группа экономистов, уже совершенно не учитывая сценарную технологию «Клуба 2015», сочинила чисто экономический план действий, вошедший в историю как «программа Грефа». Об этой программе, как и о позитивных сценариях «Клуба 2015» начиная с 2003 г. (арест Михаила Ходорковского, поражение либеральных партий на парламентских выборах, сращивание новой полити-

ческой элиты — выходцев из спецслужб — с финансово-промышленными элитами, возвращение государства в экономику с перераспределением собственности в пользу новых силовых элит), можно было смело забыть.

Началась реализация прогноза «Сказка о потерянном времени», согласно которому «страна окончательно потеряла историческую перспективу». А затем, обретя ее в виде полуострова Крым, провалилась в контрреформы. Как было написано в сценарии «Отравленные грабли»: «Поначалу начнется рост ВВП, может быть, даже по 4% в год — государственная мобилизация умеет быть весьма эффективной. Но затем неизбежен долгий и мучительный спад. Весьма вероятно, что уже за “железным занавесом”, который будет возведен по обе стороны российской границы. Внутри — самой властью, снаружи — мировым сообществом»³².

Тем не менее «электорат свободы» никуда не делся — просто попал в жернова исторического цикла (по историку Александру Янову, «реформа — политическая стагнация — контрреформа»³³). Следующий цикл неизбежен. Слабо прогнозируема только его цена. Например, такая, как в «Отравленных граблях»: «Украину, страны Балтии и некоторые государства Средней Азии спешно принимают в НАТО. В Черном и Каспийском морях проводятся учения войск альянса. Долги за поставленные энергоносители, на возврате которых все жестче настаивает Россия, компенсируются инвестициями Евросоюза и США, которые направляются в бывшие советские государства. На южных и западных рубежах Запад создает подушку безопасности».

Кстати, Крым «Клубом 2015» не был предсказан, хотя и был один подсценарий. Назывался он «Мегасербия».

Еще две попытки: модернизация по Медведеву и «Стратегия 2020»

Для понимания природы современных российских реформ важно обратить внимание на их две хронологически последние попытки: модернизацию в бытность Дмитрия Медведева президентом и подготовку программы для нового старого президента Владимира Путина в 2011—2012 гг.

Над реформаторско-модернизационной повесткой периода правления Дмитрия Медведева (2008—2012) работал специально созданный для этого Институт современного развития (ИНСОП) под руководством Игоря Юргенса.

Одним из продуктов ИНСОПа стал документ, который, возможно, впервые за все постсоветское время пытался задать ориентиры будущего, найти в нем «якоря», артикулировать целеполагание. Доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра» был обнародован в начале 2010 года. В нем, в частности, констатировалось: «Мы двигались вперед, не опреде-

лившись с тем, куда идем, и каков он, “образ желаемого будущего”. Теперь общество, его лидеры должны сделать выбор: какими мы видим себя, свою страну, свое государство в будущем»³⁴.

Контуры политико-экономических, социальных и ментальных изменений, начавшихся в 2012 г., то есть с первых же месяцев президентства Владимира Путина, были предсказаны и описаны довольно точно: «Перед нами снова угроза оказаться беспомощными свидетелями деградации великой державы. Россия не может себе позволить еще один период безвременья... Россия попала в историческую ловушку. Ей нужно совершить еще один модернизационный рывок, но сделать это предстоит в условиях, в которых слишком многое располагает к инерции и загниванию — начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках и заканчивая настроениями в политике и уверенностью власти в своей способности управлять массовым сознанием»³⁵.

Модернизационного рывка не получилось, сегодняшние события обнаружили правоту авторов доклада: «Точку невозврата страна проходит уже сейчас»³⁶.

Дизайн модернизационной повестки был обрисован названиями главок: «Ценности и принципы: от ресурсной морали к этике свободы», «Политическое будущее страны: назад к Конституции», «Система управления: к дебиюкратизации экономики через деэкономизацию бюрократии». Подчеркивалась и важность инновационного прорыва, но не как модернизационного фетиша, а как части общей программы, в которой реформация ценностей играла бы принципиальную роль³⁷.

Самый последний доклад ИНСОРа не был заказан высшей властью — Дмитрий Медведев терял интерес к модернизации и уже, очевидно, знал, что не пойдет на второй президентский срок: когда писался этот документ, до рокировки оставалось девять месяцев. Доклад назывался «Обретение будущего. Стратегия 2012» и был по сути дела тем, что в спорте называется «фолом последней надежды» — своего рода политическим завещанием короткой эпохи модернизации, предложением власти задуматься над рисками отказа от модернизационных усилий.

Характерны в этом смысле месседжи, которые были «зашиты» в названия глав доклада: «Модернизация как проект национального спасения», «Гуманитарная составляющая модернизации как переоценка ценностей», «Политические институты. Перезапуск демократии: вперед, к Конституции», «К новой экономической модели. Частный бизнес и собственность: главные действующие лица», «Дебиюкратизация экономики через деэкономизацию бюрократии», «Социальная политика: от борьбы с бедностью к росту среднего класса», «Российский народ: обретение себя», «Региональная политика: к выравниванию развития регионов и городов через конкуренцию и диффузию инноваций», «Устойчивое развитие. Стратегия “двойного выигрыша”: от инноваций — к экологии,

от экологии — к инновациям», «Оборона и безопасность: армия, полиция, спецслужбы — переход на сторону народа», «Внешняя политика: Россия в кольце друзей»³⁸.

Авторы доклада призывали президента-2012 к тому, чтобы он использовал свой мандат на продолжение политики модернизации: «Будущий президент должен предложить обществу новый социальный контракт. Его главное условие: максимальное невмешательство власти в дела народа и свободное вмешательство народа в дела власти»³⁹.

Власть, озабоченная будущим, вполне могла бы согласиться с этим условием, в рамках которого развитие России оказалось бы по крайней мере нормальным, без срывов в политическую, ментальную, экономическую архаику. Но отказ от модернизации, осуществленный адресатом доклада «Обретение будущего» (адресат предпочел будущее прошлому, в котором начал искать дополнительную легитимацию собственному правлению), стал сознательным и четко артикулированным политическим решением. Выходит, правы были авторы доклада ИНСОРа, когда писали: «...выбор [для России. — А.К.] даже не между направлениями движения, а между будущим страны и его отсутствием... Мы попадаем в “другую историю”: отставание становится необратимым... У нынешней инерционной траектории будущего нет — ни “светлого”, ни хотя бы приемлемого»⁴⁰.

Реформы по-российски: общее и особенное

Если мы обобщим исторический опыт и примеры из современной российской истории, даже уже не истории, а фактически сегодняшнего дня, то на выходе получим несколько характерных свойств реформ, не исчезающих на протяжении не то что десятилетий, а веков.

Любой из реформаторских этапов «русского цикла» отличает несколько неизменяемых в ходе русской, советской, постсоветской истории элементов:

- одинаковые причины и триггеры перемен;
- верхушечный характер преобразований, в ряде случаев — в соответствии с запросом «снизу»;
- ограничители преобразований, включая сопротивление им;
- и, наконец, незавершенность реформ, провоцирующая все новые и новые попытки догоняющего развития России.

Очень важный момент: на определенном этапе развития — или, наоборот, стагнации или движения страны вспять реформы оказываются *неизбежными*.

Триггер реформ всегда один и тот же — доведение «до ручки» ситуации в стране, когда элите, чтобы сохранить себя, надо уже начинать что-то

делать. Причем один из вариантов этого «что-то» — усиление репрессий, что, впрочем, не отменяет впоследствии возвращения к реформаторской повестке. Хотя репрессивно-застойный период может длиться и десятилетиями. Однако есть и опция выбора элитами модернизационной стратегии в целях избежать проблем для самих себя⁴¹. И если в то же самое время в обществе зреет спрос на перемены, в какой-то точке это движение навстречу друг другу «верхов» и «низов» соединяется — начинается реформа.

Никколо Макиавелли писал в «Истории Флоренции»: «...Новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие... Когда предел бедствий достигнут, вразумленные им люди возвращаются к... порядку»⁴².

Запаздывание элит с реформами иной раз превращает ситуацию во взрывоопасную. Об этом, например, писал в 1813 г. царю Александру I находившийся в ссылке в Перми Михаил Сперанский: «Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предваряет сию степень, он ниспровергается с большим или меньшим потрясением. Сим вообще изъясняются политические превращения, кои в древние времена и в дни наши предлагали и изменяли порядок правлений»⁴³. Поэтому, заключает Сперанский, важна «благовременность начинаний», то есть правильно выбранное время начала реформ.

Характерно, что именно Сперанскому приписывали иронично-раздраженное высказывание о реформаторском бессилии царя Александра: «*Tout ce qu'il fait, il le fait à demi*» («Все, что он делает, он делает наполовину»)⁴⁴.

Начинают реформы элиты, потому что инициировать модернизацию могут только те, у кого в руках власть⁴⁵. Важно консолидировать политические, аппаратные, социальные группы, которым реформы выгодны, и тем самым сформировать так называемые «коалиции за модернизацию», в ядро которых, по небесспорному предположению ряда исследователей, могли бы входить «интеллектуалы, крупный бизнес, высокодоходные слои населения»⁴⁶. Небесспорному, потому что история последних лет показывает: реформаторский порыв этих слоев быстро исчерпывает себя и они, адаптируясь к существующей политической системе, становятся либо конформистами, либо сторонниками контрреформ.

При этом программы развития, которые готовят, поддерживают, проталкивают «коалиции за модернизацию», должны ориентироваться не на отдельные группы элит или населения, а на удовлетворение интересов всего общества. То есть речь идет о так называемом Парето-улучшении, когда, огрубленно говоря, улучшение состояния какой-либо группы

не ведет к ухудшению состояния другой группы⁴⁷. Итоговыми выгодоприобретателями реформ в идеальной конструкции должны быть все.

Ответственная элита начинает преобразования и привлекает для этого контрэлиту, безответственная — закручивает гайки.

Эффективность реформ некоторые исследователи связывают с временами кризиса, началом срока работы нового правительства и сильной властью (например, ее президентской моделью)⁴⁸. Такие механизмы работают далеко не всегда, представляется, что в этой модели недооценена роль демократии и ответственных элит, но, например, ровно в этой логике начинались радикальные реформы 1990-х годов: тогда речь шла еще и о возникновении нового государства — Российской Федерации. То есть к трем факторам добавлялся четвертый — старт с чистого листа, правда, с колоссальными обременениями, оставленными страной-предшественницей — СССР.

Ограничения реформ — политические, идеологические и аппаратные — неперенные спутники российских преобразований. В перестройку этими ограничениями, флажками, за которые боялись выйти, стали границы социалистического выбора. Во времена Александра I и Михаила Сперанского такими ограничителями были крепостничество и абсолютная власть монарха. Во времена Александра II — абсолютная власть монарха уже без крепостного права. В сегодняшних российских обстоятельствах — стремление истеблишмента сохранить себя во власти, а значит, не допустить никаких преобразований.

Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов такой объективный фактор, как сопротивление реформам. Например, Михаилу Горбачеву противостоял тот тип стратегического мышления, который возобладал в ходе третьего срока Владимира Путина. Это тип мышления, который и привел СССР к состоянию, когда перестройку уже нельзя было не начинать. Он описывается формулой «Не надо ничего трогать». Этот принцип не чисто брежневский, хотя Леонид Брежнев, согласно многочисленным мемуарным свидетельствам, после 1968 г. являлся его адептом. И он был не первым в череде лидеров, сознательно избегавших преобразований и модернизации. Симптоматична история с императором Австрии Францем Иосифом I. Он всячески препятствовал индустриализации страны: предвосхищая Маркса, видел в рабочих носителей революции. Когда перед императором положили план строительства железной дороги, он прямо сказал, что это приведет к революции⁴⁹. Сила перемен и инноваций всегда страшила правителей: в ней они видели пророщенные зерна возможной демократизации и угрозу своей власти.

Все это описано еще тем же Сперанским в 1809 г.: «Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был сво-

боден, а воля в цепях... чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободой»⁵⁰.

Любая русская реформа могла быть описана поговоркой: «И хочется, и колется». Отсюда еще один элемент «эффекта колеси» в способе проведения реформ — их незавершенность.

Чем дольше тянули с экономическими реформами после провалившейся попытки 1965—1968 годов, тем выше с каждым годом становилась цена возможных преобразований, тем в большей степени шоковыми они должны были оказаться. Чем дольше тянули с политическими реформами после попыток Хрущева в 1962—1964 годах подготовить проект новой Конституции СССР, тем более мощным оказался потом взрыв массового недовольства властью.

Из вечной незавершенности реформ вытекает эта российская обреченность на догоняющее развитие и в ряде случаев, в терминах Юргена Хабермаса, на «догоняющие революции», или «революции обратной перемотки», которые «наверстывают упущенное»⁵¹. Пример «догоняющей революции» — протесты 2011—2012 годов, когда наиболее продвинутые слои образованного городского среднего класса предъявили спрос на политические преобразования, поскольку именно архаичная элита и недореформированное государство сдерживали нормальное, общецивилизационное развитие России.

В целом эти внутренне противоречивые логику и логику преобразований хорошо описал российский демограф Анатолий Вишневский в работе «Серп и рубль»: «Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования»⁵².

Кому выгодна реформа и проблема-2018

Идеальная реформа должна быть выгодна всем. В идеале же она может поддерживаться большинством граждан, что, впрочем, не гарантирует успеха, как это произошло с поначалу гиперпопулярной горбачевской перестройкой.

Тем не менее у реформ, конечно, бывают базовые носители и основные выгодоприобретатели. Архитектор российских реформ 1990-х Егор Гайдар в работе «Аномалии экономического роста», опубликованной в 1997 г., писал: «Объективно сегодня две крупные социальные группы

больше всего заинтересованы в либеральной экономической политике, способной проложить дорогу к устойчивому рыночному развитию в России: новый средний класс, которому нужны равные правила игры, эффективная защита частной собственности, экономически не слишком обременительное государство, и интеллигенция — те, кто связан с наукой, образованием, здравоохранением, культурой, то есть отраслями, перераспределение средств в пользу которых объективно отражает экономические потребности страны. Сумеют ли они осознать свои интересы, выработать эффективную форму взаимодействия в борьбе за них, преодолеть взаимное предубеждение? От этого в определяющей мере зависит будущее России в XXI веке»⁵³.

Эти упомянутые Гайдаром почти 20 лет назад продвинутые социальные слои могли бы стать основой «коалиции за реформы», предъявить спрос на модернизацию. Однако возникают и сомнения в том, что в современных российских обстоятельствах «коалиции за реформы» возникают по классовому, цеховому или профессиональному признаку. Вероятно, механика этих процессов более сложная. Кроме того, *в сегодняшней России в ситуации «патриотического подъема», совмещенного с экономическим кризисом и социальной апатией, нет ни предложения сверху реформ, ни четко артикулированного спроса на них снизу. Как нет и четкого целеполагания — образа желаемого будущего.*

Возможно, эти проблемы могла бы решить «Стратегия 2035», подготовка которой началась осенью 2015 г.: на этот раз ключевыми разработчиками, судя по всему, будут экономический факультет МГУ (Александр Аузан) и Российская экономическая школа (Шломо Вебер) при участии, например, такого в прошлом харизматичного чиновника мэрии Москвы, как Сергей Капков⁵⁴. Документ будет ориентирован на проектирование институтов и должен быть готов к декабрю 2017 г. Первоначальная заявка более широкая, чем подготовка просто экономической программы. Возможно, будет получена и политическая поддержка со стороны премьер-министра Дмитрия Медведева. Такой предварительный расклад мог бы казаться вдохновляющим, если бы не предыдущий обескураживающий опыт провалившихся концепций и реформ, которые курировались в том числе тем же самым Медведевым.

Перед российской властью встает *дилемма-2018*: или она выбирает демократию и либерализацию, или идет по пути репрессий, изоляционизма и архаизации политики. Возможен еще третий, инерционный, путь. Но надо понимать, что это вариант архаизации и отставания, только чуть более мягкий, без чрезмерного усиления репрессивной составляющей.

Для реализации реформ нужна политическая воля и готовность элит и лидеров отказаться ради модернизации от власти, а значит, от авторитарной модели правления. Авторитарная модернизация в постсоветской России провалилась, едва ли что-нибудь получится на этот раз —

попытка может оказаться имитационной. Успех возможен исключительно в случае демократизации политической системы России: это — необходимое условие для проведения реформ новой волны. Как, собственно, и сама демократизация должна была бы стать главной реформой. Тогда появятся и адекватные вызовам XXI века ценности, нормы и институты.

Примечания

- 1 *Пайтс Р.* Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. — М.: Новое издательство, 2008. — С. 109.
- 2 *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в десяти томах. — Т. 6. Критика и публицистика. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 193.
- 3 *Нольде А. Э.* М. М. Сперанский. Биография. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — С. 118.
- 4 *Эйдельман Н.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 52.
- 5 Там же. — С. 162.
- 6 *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 16 томах. — Т. 16. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937—1949. — С. 422.
- 7 Цит. по: *Колесников А.* Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. — М.: АСТ, 2007. — С. 75.
- 8 *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР (50—60-е годы). — М.: Квадрат С, 1999. — С. 269.
- 9 *Liberman E.* The Communist Flirtation with Profits // Time Magazine. — 1965. — February 12.
- 10 *Андрянов В.* Косыгин. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 195—196.
- 11 *Колесников А.* Диалоги с Евгением Ясиным. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 6.
- 12 *Ясин Е. Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — С. 37.
- 13 *Колесников А.* Спичрайтеры. — С. 117.
- 14 *Ясин Е. Г.* Указ. соч. — С. 71.
- 15 *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 136.
- 16 *Колесников А.* Спичрайтеры. — С. 121.
- 17 *Пайтс Р.* Указ. соч. — С. 224.
- 18 *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. — Summer 1989. — P. 3—18.
- 19 *Черняев А.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 610.
- 20 *Васильев С.* Экономика и власть. Статьи, выступления, интервью. — М.: Ад Маргинем, 1998. — С. 8.

- 21 События, связанные с идейной подготовкой реформ и их реализацией, подробно описаны, в частности, в книгах: *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М.: Альпина паблишер, 2014; *Авен А., Кох А.* Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. — М.: Альпина паблишер, 2013; *Васильев С.* Две жизни одного поколения. Записки экономиста эпохи трансформации. — СПб.: Лимбус Пресс, 2015; *Колесников А.* Анатолий Чубайс. Биография. — М.: АСТ, 2008; *Травин Д.* Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985—1999. — СПб.: Норма, 2010.
- 22 *Васильев С.* Две жизни одного поколения. — С. 238.
- 23 Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. — М.: Вагриус, 1999. — С. 28—33, 57—61.
- 24 *Авен А., Кох А.* Революция Гайдара — С. 9.
- 25 *Гайдар Е.* Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 471—620.
- 26 *Колесников А.* Анатолий Чубайс. Биография. — С. 332.
- 27 См., например: *Svolik M.* The Politics of Authoritarian Rule. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012; *Levitsky S., Way L.A.* Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 28 Сценарии для России. — М.: Некоммерческое партнерство менеджеров и предпринимателей «Клуб 2015», 1999. — С. 5.
- 29 Там же. — С. 124.
- 30 Там же. — С. 155.
- 31 Там же. — С. 157.
- 32 Там же. — С. 126.
- 33 *Янов А.* The Russian Challenge and the Year 2000. — Oxford: Blackwell, 1987.
- 34 Россия XXI века: образ желаемого завтра. — М.: Экон-Информ, 2010. — С. 4.
- 35 Там же. — С. 4.
- 36 Там же. — С. 7.
- 37 Там же. — С. 8—14.
- 38 Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект. — М.: Экон-Информ, 2011. — С. 3.
- 39 Там же. — С. 94.
- 40 Там же. — С. 5.
- 41 *Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic Origins of Dictatorship and Democracy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — P. xii, xiii.
- 42 *Макиавелли Н.* Государь. — М.: Эксмо, 1998. — С. 411.
- 43 Цит. по: *Нольде А.Э.* Указ. соч. — С. 45.
- 44 Там же. — С. 111.
- 45 Евгений Ясин и Ирина Прохорова. Возможны ли реформы в России? // Фонд Егора Гайдара. — 6 октября 2014 г. (<http://rakurs.gaidarfund.ru/articles/2094>)
- 46 *Аузан А., Золотов А., Ставинская А., Тамбовцев В.* Средний класс и модернизация: гипотезы о формировании экономических и социально-политических институтов в России // Стратегия социально-экономического

- развития России: влияние кризиса. Часть 1. — М.: Институт современного развития, 2009. — С. 248.
- 47 Тамбовцев В. Стратегии развития страны // Там же. — С. 196.
- 48 Alesino A., Ardagna S., Trebbi F. Who Adjusts and When? On the Political Economy of Reforms. NBER Working Paper No. 12049. — February 2006. // <http://www.nber.org/papers/w12049>.
- 49 Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. — М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica. — С. 598—599.
- 50 Цит. по: Пайтс Р. Указ. соч. — С. 115.
- 51 Habermas J. Die nachholende Revolution. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
- 52 Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: О.Г.И., 1998. — С. 418.
- 53 Гайдар Е.Т. Собрание сочинений в 15 томах. — Том 2. — М.: Издательский дом «Дело», 2012. — С. 546.
- 54 Неяскин Г. Аузан и Капков разработают стратегию развития России на 20 лет вперед // Slon. — 9 октября 2015 г. (<https://slon.ru/posts/57766>)

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основной задачей которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**ВЛАСТЬ ПОСЛЕ 2018 ГОДА: ВОЗМОЖНЫ ЛИ
РЕФОРМЫ В РОССИИ?**

Исторический опыт и новая перестройка

Андрей Колесников

Редактор Д. Бордюгов

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 10.11.2015

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru